

ИНКЛЮЗИВНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: СПОСОБЫ ОЦЕНКИ

Шевелёва Юлия Романовна

Шевелева Ю.Р. Инклюзивное региональное развитие: способы оценки. Аналитическая записка по результатам инициативного исследования. Институт региональных и международных исследований. – URL: <https://irmi.ru.com/analitika/>

Статус исследования ИРМИ:
Инициативное исследование

Группа исследователей ИРМИ:
Молодые ученые

Аннотация. Глобализация, рыночные и агломерационные эффекты обусловили усложнение пространственных процессов, вследствие чего диспропорции социально-экономического развития стали характерны как для развитых, так и для развивающихся стран. В России преодоление регионального неравенства становится одной из главных задач реализуемой политики. Однако оценка уровня развития субъектов РФ зачастую основывается на бюджетной обеспеченности регионов и показателях ВРП, иными словами, экономически детерминирована. Инклюзивные же подходы, активно применяемые с 2017 года на национальном уровне, позволяют посмотреть, насколько взаимосвязано развиваются все компоненты пространства региона (экологический, экономический, социальный, а при качественном анализе и этнокультурный, политический). При этом регион инклюзивен и в отношении стремления к кооперации и интеграции. В данном контексте региональные системы гармонизируют инклюзивное развитие России, демонстрируют включенность в решение общих проблем, готовность оказать взаимную помощь в достижении роста общественного благосостояния. Таким образом, инклюзивное региональное развитие – некий противовес борьбе за конкурентоспособность отдельной сферы в регионе или отдельного субъекта РФ, оно обеспечивает сбалансированность и переливы роста. Оценивать его можно через степень взаимосвязанности развития компонентов региональной системы, а также через наличие пространственных эффектов макрорегионализации и устойчивость межрегиональных связей. Для этого в комплексе могут быть использованы

статистические и эконометрические методы: индекс инклюзивного развития, глобальный и локальный индекс Морана, а также методы качественного анализа данных о действующих формах межрегионального взаимодействия.

Ключевые слова: региональное развитие, инклюзивность региона, инклюзивный рост, макрорегионы.

Основные понятия и сокращения:

РФ – Российская Федерация

ЕС – Европейский союз

ВВП – валовый внутренний продукт

ВРП – валовый региональный продукт

СПР – Стратегия пространственного развития

ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития

ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия

Постановка проблемы. С 2018 года мировое сообщество перешло к инклюзивной оценке национального развития, однако на региональном уровне в большинстве своем инерционно сохраняются экономически детерминированные подходы. Говоря о региональном развитии России, стоит отметить масштаб пространственной системы страны и соответственно необходимость оценки не только инклюзивности роста каждого отдельного региона, но и включенности в процессы роста всех субъектов РФ, их стремления максимально использовать потенциал взаимодействия для собственного инклюзивного роста. В современных условиях необходимо разрабатывать новые способы для оценки развития российских регионов, включающие все аспекты региональной инклюзивности.

Цель исследования – выявление способов инклюзивного подхода к региональному развитию.

Методика исследовательской работы: анализ и синтез информации об инклюзивных общественных процессах; проведение аналогий для описания сущности инклюзии в региональном развитии; изучение опыта и методик оценки инклюзивного развития; разработка способа комплексной оценки инклюзивности регионального развития путем сопоставления существующих методик и выявленной сущности региональной инклюзии.

Эмпирическая база исследования. В ходе работы были проанализированы научно-исследовательские работы на тему инклюзивного развития территорий, макрорегионализации, межрегионального сотрудничества; доклады международных организаций и форумов об инклюзивном росте и развитии, документы стратегического планирования РФ и ЕС, включающие в себя положения концепции инклюзивного роста. Кроме того, были рассмотрены методики расчета региональных индексов инклюзивного развития, индексов пространственной автокорреляции. Отбор материалов для анализа производился исходя из актуальности представленных в них данных, а также с учетом двухуровневого рассмотрения

инклюзивных процессов в регионе (инклюзия на уровне субъекта РФ, на уровне макрорегиона).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Роль инклюзии в развитии современного общества

Инклюзия (от лат. «inclusio» - включение) – слово, находящееся в активном словарном запасе исследователей сферы социогуманитарного знания. В справочно-информационной литературе инклюзия подразумевает под собой включение чего-либо или кого-либо в определенные процессы. На сегодняшний день мы можем говорить, что инклюзивность становится трендом развития всех сфер общественной жизни. Это своего рода свойство системы: один элемент ориентируется одновременно на свое собственное развитие и на развитие другого.

Инклюзия в экономике. На Западе инклюзия начинает широко употребляться в экономическом смысле с 2008 года. Инклюзивная экономика рассматривается как альтернатива нынешней модели экономического развития, которая на протяжении последних 20 лет демонстрирует замедление темпов роста в развивающихся и развитых странах, провоцирует стагнационные процессы [1].

В современных условиях усиления глобализации взаимосвязь экономического роста и благосостояния населения проявляется несколько в других формах, чем раньше [2]. Рост ВВП и ВНП все меньше прямо пропорционально коррелирует с преодолением бедности, неравенства и безработицы. Так, например, современные исследования Великобритании свидетельствуют о том, что растущая экономика Британии стимулирует лишь рост доходов, что находятся выше медианного уровня [3]. Рассматривая данное явление на примере России, можно сказать, что показатели уровня безработицы и роста ВВП в 2012-2020 гг. находятся в обратной взаимозависимости, увеличение одного из них влечет за собой уменьшение другого ($p = -0,5963$). Кроме того, уровень бедности так же находится в отрицательной корреляции с показателями роста ВВП ($p = -0,6026$), что говорит об отсутствии интеграции социального и экономического развития, хотя априори главная задача экономики состоит в удовлетворении человеческих потребностей.

Как результат, в нынешних условиях нет места наращиванию экономической мощности, экономика вынуждена отказаться от обособленного развития и начать инвестировать в истощающийся «человеческий капитал». Так Китай, ставший за короткий промежуток времени второй экономикой мира, демонстрирует эффективность инклюзивной экономики. Социальная ориентированность бюджетных расходов, приоритетность доступности образования для более широких слоев населения, создание крупнейшей в мире системы социального обеспечения становятся гарантом прогрессивных экономических изменений в стране [4]. Жолт Дарвас и Гунтрам Б. Вольф считают экономику инклюзивной, если она создает и в равной степени распределяет финансовые возможности. Сокращение неравенства доходов и рост социальной мобильности от бедных слоев к богатым, по мнению авторов, – свидетельства инклюзивной экономики [5]. Резюмируя, можно сказать, что справедливое распределение и предоставление экономикой возможностей расширяет круг её же агентов. Очевидно, что сегодня экономика должна все больше

ориентироваться на нужды и потребности населения. Смена вектора экономического развития наблюдается через появление социально ответственного бизнеса, направление инвестиционных потоков в социальную инфраструктуру и человеческий капитал и др.

Инклюзия в социуме. Общество соучастия - также результат инклюзии. Суреш Чанд Аггарвал отмечает, что в инклюзивно растущем государстве люди должны иметь справедливую долю не только в результатах роста, но и в процессе роста. По его мнению, важно, чтобы каждый имел возможность участвовать и получать выгоду от экономического развития [6]. В данном случае речь идет о росте социальной инициативы и включенности населения в экономические отношения, о развитии гражданского общества. В этой связи можно рассматривать примеры инициативного бюджетирования, малого и среднего предпринимательства, проектирования населением городской среды и др. Однако такая включенность общества возможна только тогда, когда у каждого его члена есть доступ к образованию, здравоохранению, занятости и другой базовой инфраструктуре.

Инклюзия в политике. Политика – то место, где описанные выше взаимные инклюзивные ориентиры экономики и общества получают документальное закрепление и реализуются на практике. Политическая концепция инклюзивного роста основывается на стремлении не только вовлечь в процессы производство, но и распределить материальные блага и услуги среди все более широких категорий населения; снизить уровень дифференциации социально-экономического развития территории [7]. Инклюзивный рост постепенно становится фокусом всей политики – фискальной, денежно-кредитной, политики рынка труда и т. д. [6]. Инклюзия в политике – это создание комфортных условий и для экономики, и для общества, многоаспектные цели развития, разработка форм и методов взаимодействия власти, бизнеса и общества.

Кроме того, инклюзивность - характерная черта современных документов стратегического планирования и проектирования. В данном контексте стоит рассматривать стратегию «Европа-2020», согласно которой целями развития являются полное использование трудового потенциала, снижение бедности, развитие социальной вовлеченности, устранение региональных диспропорций, диверсификация экономики и переход ее на «зеленые рельсы», рост инфраструктурной обеспеченности. Эффективность примененной в данной стратегии инклюзивной концепции признана международным сообществом, так как она играет важную роль в реализации Повестки дня ООН на период до 2030 года [8]. В качестве отечественного примера можно привести Стратегию пространственного развития РФ до 2025 года, включающую в себя экономические, демографические, социальные, инфраструктурные, региональные, научно-технологические аспекты. Реализация национальных проектов на территории РФ также является примером, демонстрирующим инклюзивную направленность государственной политики.

Иными словами, тренд инклюзивности начинает охватывать сферы деятельности, субъекты которой разнородны, но при этом результаты их взаимодействия или стороннего на них воздействия должны гарантировать всеобщую и, в некоторой степени, умноженную полезность. Объединением разнообразных объектов поддерживается устойчивость системы, при этом их взаимодействия сопровождаются синергетическим эффектом. Инклюзивный подход

– ответ усложняющимся пространственным процессам, способствующий оптимизации, комплексному анализу и выработке решений с учетом особенностей всех «включенных» элементов.

Сущность инклюзии в региональном развитии

Исходя из представленных выше суждений, мы можем утверждать, что инклюзивность, как свойство, присуща региональной политике. В данном контексте инклюзия может трактоваться как «включение» и «встраивание» всех специфических особенностей регионального пространства (природно-географических, социально-экономических, этнокультурных, политических и др.) в основу разработки политических документов и принятия управленческих решений. «Включенными» задачами региональной политики является повсеместное преодоление неравенства, повышение благосостояния общества через призму региональных особенностей.

Кроме того, инклюзия, как явление, свойственна пространственному и региональному развитию:

- в случае цепного развития компонентов пространственной системы региона, взаимного дополнения потенциалов (н-р, приход инвестиций в экономику способствует созданию культурной инфраструктуры);

- в случае межрегионального и межмуниципального сотрудничества (н-р, переподготовка специалистов региональным ВУЗом для предприятий соседнего региона).

В том и другом случае, мы наблюдаем включение большего числа субъектов, представляющих разные сферы и территории, в региональные процессы. При этом объединяются и пространственные системы отдельных регионов, и ресурсы одной территории с целью получения общей пользы, синергетического эффекта от взаимодействия. Инклюзивный подход может рассматриваться как способ преодоления внутрирегиональных и межрегиональных диспропорций.

Кратко охарактеризуем сущность инклюзии в региональной политике:

В узком смысле она представляет собой разработку мер, направленных на одновременное и взаимосвязанное развитие всех компонентов пространства региона – экономического, социального, политического, этнокультурного и др. с учётом их региональной специфики.

В широком смысле под инклюзией в региональной политике стоит понимать макрорегионализацию и кооперацию регионов в различных сферах: наука, образование, экономика, рынок труда, туризм, культура и др. с целью взаимного дополнения потенциалов и обмена лучшими практиками решения проблем.

России, как стране с сырьевой экономикой, крайне важно максимально использовать внутренний потенциал для выделения конкурентных преимуществ во всех сферах жизнедеятельности общества, что напрямую связано с реализацией стратегии инклюзивного развития [9]. Российские регионы значительно отличаются по уровню обеспеченности ресурсами. Соответственно инклюзивность регионов должна рассматриваться в России не только в вопросах корреляции в них экономического роста, повышения уровня жизни и улучшения экологической ситуации, но и в контексте готовности регионов дополнять потенциалы друг друга, чтобы национальный инклюзивный рост достигался за счет пространственных

экстерналий и переливов. Иными словами, должны запускаться механизмы саморазвития, благоприятно воздействующие на все субъекты РФ.

Макрорегионы как способ повышения инклюзивности регионального развития

Макрорегионализация рассматривается как способ включения регионов в обменные процессы, как призыв к сотрудничеству в целях обеспечения своего же роста. Согласно докладу ОЭСР объединение усилий особенно важно в области строительства и модернизации объектов транспортной инфраструктуры, а также в вопросах предотвращения дублирования программ содействия инновационному бизнесу [10].

Зарубежные и отечественные исследователи по-разному описывают функции макрорегионов. На Западе макрорегион чаще всего рассматривается как диалоговая площадка для оказания взаимопомощи и совместного решения проблем развития входящих в него территорий. К примеру Томаш Студзенецкий отмечает, что при использовании такого инструмента политика ЕС ориентирована на территорию, состоящую из ряда государств-членов или регионов, связанных одной или несколькими общими чертами и проблемами [11]. Итальянские авторы характеризуют макрорегионализацию как возможность увидеть реальную географию проблем и возможностей. В их представлении макрорегион – это «мягкое пространство», модель управления процессами «снизу» [12]. Исследовательская группа Штефана Гацле считает, что макрорегиональное сотрудничество должно основываться на политической стратегии, отражающей конкретные региональные интересы и приоритеты, а макрорегиональное управление – на постоянном многоуровневом институциональном сотрудничестве, выраженном в сетях, комиссиях, конвенциях, политических платформах, форумах и т.п. [13]. В этом случае каждая территория макрорегиона участвует в выработке и принятии решений, предоставляя информацию о своей пространственной системе.

В России переход к межрегиональному политическому диалогу в макрорегионах наметился в начале 2000-х, однако в действительности они продолжают функционировать как части экономического каркаса, как хозяйственные и экономические районы. В современном стратегическом планировании макрорегион представляется совокупностью территориально близких субъектов РФ, имеющих потенциал межрегионального сотрудничества, что требует координации их социально-экономического развития [14]. Активизацию диффузионных и переливных процессов в макрорегионах анонсирует СТР РФ до 2025 года.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что макрорегион – инклюзивный инструмент, который позволяет системно решать однотипные проблемы во входящих в его состав регионах. В первую очередь, он объединяет и включает в процессы «недоиспользованные» ресурсы и потенциалы, во-вторых, обеспечивает тем самым синергетические эффекты, способствует инклюзивному развитию. По мнению А. В. Пенчук, *целью формирования макрорегиона на национальном уровне должно стать «обеспечение дополнительных эффектов социально-экономического и пространственного развития за счет координации и совместного управления входящих в его состав территориальных образований»* [15]. Среди таких эффектов в научном сообществе выделяются переливы знаний, отраслевые эффекты перелива,

эффекты перелива роста и др. [16]. Возможные инклюзивные эффекты от межрегионального сотрудничества представлены в таблице 1.

Таблица 1

Инклюзивные эффекты макрорегионализации¹

<p><i>В экономическом пространстве:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - ускорение модернизации и цифровизации экономики субъектов РФ; - оптимизация и расширение транспортной и энергетической инфраструктурной сети; - рост эффективности использования таких инструментов как ОЭЗ, ТОР, кластеры и др.; - повышение конкурентоспособности определенного вида товаров или услуг, конкретной отрасли специализации; - расширение сети инновационного бизнеса, возможность реализации комплексных инвестиционных проектов; - рост рынков сбыта региональной продукции за счет расширения экономических связей, увеличение объемов производства; - усиление конкурентных отношений на рынке, и как следствие совершенствование продукции региональных производителей; - увеличение макроэкономических показателей всех входящих в состав макрорегиона территорий. 	<p><i>В социальном пространстве:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - снижение неравенства доходов населения и уровня безработицы за счет появления дополнительных рабочих мест; - рост инициативы благодаря увеличению партнерских связей, расширению и упрощению возможностей сотрудничества; - создание макрорегионального рынка труда: обмен требующимися трудовыми ресурсами; - совместная разработка образовательных проектов и программ, ориентированных на экономику; - модернизация системы образования и здравоохранения; - более выгодное расположение социальной инфраструктуры; - улучшение демографической ситуации, увеличение общей продолжительности жизни населения; - рост благосостояния, уровня и качества жизни населения.
<p><i>В политическом пространстве:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - согласованность управленческих решений и стратегического планирования субъектов РФ; - увеличение числа региональных партийных и общественных организаций, рост числа их последователей; - возможность выхода на более высокий уровень политического и дипломатического взаимодействия в рамках пространственной системы; - сокращение сроков реализации региональных политических проектов и программ; - инновативность политических решений благодаря активному взаимодействию политических институтов. 	<p><i>В этнокультурном пространстве:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - рост коллективной и культурной идентичности территорий, имеющих общую специфику; - синхронизация действий по охране общего культурного наследия; - обмен новыми инструментами и практиками культурного развития и воспитания населения; - трансграничность культурных мероприятий, расширение возможностей для проведения культурного досуга; - формирование единого туристического пространства; - создание качественной инфраструктуры для сохранения этнического многообразия.

¹Составлено автором

Таким образом, мы видим, что макрорегионализация существенно может повысить шансы инклюзивного роста страны за счет горизонтальных переливов. Причём системное взаимодействие внутри макрорегионов имеет как общенациональную, так и частную полезность. Интеграция внутри макрорегиона запускает саморазвивающийся механизм, функционирование которого повышает качество жизни населения и ВРП субъектов РФ. Иными словами, ядра макрорегиона могут модернизировать и положительно воздействовать на окружающие их территории. Макрорегион – своего рода генератор повышения инклюзивности развития, как отдельных регионов, так и страны в целом.

Нельзя не сказать, что с переходом России к рыночной экономике получило распространение понятие «конкурентоспособности территории», что априори противоречит стремлению сократить региональное неравенство и сохранить сбалансированность развития внутри макрорегиона и страны. Межрегиональное сотрудничество стало инерционным (частично сохранились связи времен плановой экономики) и с течением времени преобразовалось в двух- или трех- сторонние соглашения регионов. Однако одинаково повысить конкурентоспособность каждого субъекта РФ при сравнительно небольшой численности населения страны, малом количестве регионов-локомотивов и слабой развитости горизонтальной системы связей территорий практически невозможно [17]. Российские процессы макрорегионализации не акцентировали внимания на отличных от экономики возможностях взаимопроникновения одноуровневых пространственных систем. Сугубо экономическая интеграция зачастую не обеспечивала повсеместного роста уровня жизни. Такой подход к макрорегионализации в условиях рынка только усилил обособленный рост отдельных регионов, стягивающих на себя ресурсы соседних территорий. Сегодня регионы России имеют потенциал туристического, рекреационного, образовательного, научно-технического и других видов взаимодействия, потому географически приближенные субъекты РФ должны объединяться не только по экономическим и финансовым, но и по социально-политическим соображениям. В этом случае на макрорегионе можно будет рассматривать, как «горизонтальные», так и «вертикальные» процессы региональной инклюзии. Оценка уровня взаимопроникновения и инклюзивности современных региональных систем особенно перспективна для определения перспектив реализации Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года.

Оценка инклюзивности регионального развития

В 2017 году на ВЭФ в Давосе состоялась презентация новых критериев оценки экономического роста территорий в рамках доклада «The Inclusive Growth and Development Report». Альтернативой тезису о тождестве экономического роста и роста ВВП стали следующие положения: экономика должна быть напрямую взаимосвязана с социальным и экологическим компонентами пространства, а увеличение экономических показателей должно сопровождаться повышением уровня жизни населения и улучшением экологической ситуации. Целью экономического развития становится рост благосостояния.

Согласно инклюзивной концепции по ключевым показателям можно отследить включенность общества в экономическое развитие, а также определить, какая сфера жизнедеятельности требует структурной реформы [18]. По сути, авторы концепции

экономики благосостояния утверждают, что измерение неравенства населения, устойчивости, субъективного благосостояния, доверия и пр. не укладывается в систему количественного измерения ВВП [2]. Влияние экономики на другие сферы жизни, корреляция их развития должны оцениваться через систему показателей.

Попытка сформировать такую систему была предпринята в рамках разработки индекса инклюзивного развития – IDI (Inclusive Development Index), представленного в 2018 году [19]. Он включает в себя 12 параметров, объединенных в три группы: рост и развитие; инклюзивность; межпоколенческая справедливость и устойчивость. Итоговый показатель является средним арифметическим трех групповых индексов, которые, в свою очередь, могут быть рассчитаны ранговым методом.

В 2019 году Евразийская экономическая комиссия предложила еще один вариант индексной оценки инклюзивного развития. Индекс ЕЭК базируется на 21 индикаторах, которые имеют разные веса и объединены также в три группы: экономика; условия жизни и неравенство [20]. Данный показатель более детально рассматривает вопросы неравенства и бедности, для сравнения адаптированные под российский статистический учет индикаторы IDI и индекса ЕЭК представлены в таблице 2.

Таблица 2

Индикаторы индексов инклюзивного развития, скорректированные под российские статистические показатели²

<i>Индекс инклюзивного развития (Inclusive Development Index)</i>	<i>Составной индекс инклюзивного роста ЕЭК (The composite index of inclusive growth)</i>
<p><i>Рост и развитие</i></p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ ВВП на душу населения (руб.) ▪ Уровень занятости населения в возрасте 15-72 лет (%) ▪ Производительность труда (ВВП/на одного работника, %) ▪ Ожидаемая продолжительность жизни (число лет) 	<p><i>Экономика</i></p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ ВВП на душу населения (руб.) ▪ Национальный доход на душу населения (руб.) ▪ Производительность труда (ВРП на одного занятого, %) ▪ Потребление электроэнергии (кВтч / чел.) ▪ Уровень занятости в возрасте 15-72 лет (%) ▪ Экспорт товаров и услуг (% ВВП)
<p><i>Инклюзивность</i></p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ Фактическое конечное потребление домохозяйств, в постоянных ценах (млн. руб.) ▪ Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения (%) ▪ Отношение реальных денежных доходов населения к денежным доходам предыдущего года (%) 	<p><i>Условия жизни</i></p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет (%) ▪ Доступность питьевой воды (% населения) ▪ Численность обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании (чел.) ▪ Число больничных организаций на душу населения (%) <ul style="list-style-type: none"> ▪ Индекс развития инфраструктуры (по методике InfraOne) ▪ Объем оказанных услуг связи на душу населения (руб.) ▪ Индекс потребительской уверенности ▪ Удельный объем валовых выбросов в атмосферу к ВВП (тонн/1 млн. руб.)

²Составлено автором на основе [19], [20] и [33].

Продолжение таблицы 2

<p><i>Межпоколенческое равенство и устойчивость</i></p> <p>Отношение объема государственного долга к ВВП (%)</p> <p>Коэффициент демографической нагрузки (%)</p> <p>Удельный объем валовых выбросов в атмосферу к ВВП (тонн/1 млн. руб.)</p>	<p><i>Неравенство</i></p> <p>Соотношение уровня занятости молодежи и взрослого населения (%)</p> <p>Соотношение уровня занятости женщин и мужчин (%)</p> <p>Соотношение доли женщин и мужчин в рабочей силе (%)</p> <p>Коэффициент Джини</p> <p>Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения (%)</p> <p>Соотношение численности обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании или о среднем общем образовании и численности населения в возрасте 17 лет (%)</p> <p>Соотношение количества мест, занимаемых женщинами и мужчинами в парламенте (%)</p>
--	---

Расчет вышеприведенных индексов производится международными организациями на основе предоставляемых государствами статистических данных, однако в рамках данного исследования нас интересует методика оценки инклюзивного развития на региональном и макрорегиональном уровнях. Современные исследователи чаще берут за основу методику IDI, так как она наиболее адаптирована под стандарты региональной статистики России. Расчет индекса инклюзивного развития для субъектов РФ с авторской корректировкой концептуальной основы производился Шарафутдиновым В.И [21], Бариновой В.А.[22], Севастьяновой Е.А.[23], Михеевой Н.Н. [24], Заводских А.А. [25]. Инклюзивность развития макрорегионов РФ в границах федеральных округов оценивалась Казаковой С.М.[26], Лясковской Е.А [27].

Исходя из ранее рассмотренной ранее сущности инклюзии в региональном развитии, можно утверждать, что всесторонне оценить её эффекты можно на уровне макрорегионов. В первую очередь, используя базовую методику IDI, можно увидеть насколько комплексно растут и развиваются все субъекты РФ внутри макрорегиона, в том числе благодаря взаимному дополнению потенциалов.

Во-вторых, макрорегиональный уровень позволяет увидеть включенность субъектов РФ в кооперационные и интеграционные процессы, так как в принципе макрорегион определяется как площадка для сотрудничества. Для оценки пространственной связности субъектов РФ может быть использована эконометрическая методика оценки пространственной автокорреляции – глобальный (*Ig*) и локальный (*LISA*) индексы Морана. Подробное описание методики расчета представлено в работах А. В. Суворовой [28], О. А. Демидовой [29], Ю. В. Павлова и Е.Н. Королевой [30]. Полученные в ходе расчета индексов результаты позволяют сделать выводы о том, положительно или отрицательно влияют друг на друга региональные центры, стягивают ресурсы на себя или способствуют развитию соседних территорий. Анализируемый показатель может выбираться в зависимости от того, на чем строится взаимодействие внутри макрорегиона, например, в случае экономической кооперации - «валовый региональный продукт». Диаграммы

рассеяния Морана позволяют наглядно увидеть межрегиональную связность в выбранной для оценки сфере. Локальный индекс Морана дает представление о пространственных эффектах каждого отдельного региона в отношении его соседей.

Качественный анализ пространственной связности субъектов может производиться через агрегирование действующих форм межрегионального взаимодействия. Например, О. В. Кузнецова предлагает следующую классификацию таких форм: совместное учреждение органами власти субъектов РФ юридических лиц; дипломатические соглашения; софинансирование проектов; информационное взаимодействие; взаимодействие регионов при формировании своей нормативно-правовой базы; взаимодействие в культурной сфере [31].

Обобщая полученные в ходе статистического и качественного анализа связей на уровне макрорегиона данные, можно определить, какой тип инклюзивного развития в большей мере присущ отдельным частям российской пространственной системы. В основе выделения представленных в таблице 3 типов инклюзивного развития лежит принцип диалектической связи между региональной самодостаточностью и внешним принуждением [32].

Таблица 3

Идентификация типа инклюзивного развития регионов, включенных в макрорегиональную пространственную систему

<i>органический</i>	<i>атомистический</i>	<i>гармонический</i>
целостная система «навязывает» собственное видение отдельной составной части, формируются вынужденные связи	внешнее объединение самодостаточных экономических пространств, каждое из которых стремится к самостоятельному независимому воспроизводству	конвергенция, взаимодействие и взаимопроникновение пространств разного уровня при сохранении многообразия и своеобразия различных субъектов, в основе конвергенции лежит, согласование позиций, поиск баланса интересов
дисперсное расположение субъектов РФ на диаграммах рассеяния Морана	поляризованное расположение субъектов РФ на диаграммах рассеивания Морана, в основном отрицательные экстерналии	кластеризованное, сконцентрированное расположение субъектов РФ на диаграммах рассеивания Морана, в основном положительные экстерналии
формы межрегионального взаимодействия фиктивны, активность в них наблюдается только со стороны «регионов-локомотивов»	формы межрегионального взаимодействия слабо функционируют, так как идет активная борьба за лидерство	формы межрегионального взаимодействия эффективны и имеют перспективы развития

Обобщения и основные выводы

Инклюзивное региональное развитие стоит рассматривать с двух сторон: в контексте отдельного субъекта РФ, а также в контексте эффективной региональной кооперации (см. таблицу 4).

Таблица 4

Сущность и способы оценки инклюзивного регионального развития

	<i>в узком смысле</i>	<i>в широком смысле</i>
<i>Сущность</i>	одновременное и взаимосвязанное развитие всех компонентов (макро -) региональной системы (экономического, социального, этнокультурного, политического, экологического и др.) с сохранением их специфики и своеобразия	взаимопроникновение региональных систем на основе межрегионального сотрудничества и диалога, сопровождающееся реализацией «недоиспользованного» потенциала
<i>Статистическая оценка</i>	Индекс инклюзивного развития (IDI) *на основе региональных статистических показателей	Глобальный и локальный индекс Морана (I _g и LISA) *на основе региональных показателей анализируемой сферы
<i>Качественная оценка</i>	Агрегирование и качественный анализ форм межмуниципального и межрегионального сотрудничества	

Комплексную оценку инклюзивного регионального развития РФ можно представить следующим образом:

1. Расчет регионального индекса инклюзивного развития (на базе IDI) для определения уровня сбалансированности и устойчивости развития каждого отдельного субъекта РФ.

2. Оценка инклюзивности развития выделяемых СПР макрорегионов на основе методики IDI для определения эффективности взаимопроникновения региональных систем, межрегионального сотрудничества.

3. Расчет глобального и локального индекса Морана для оценки существующих пространственных связей субъектов РФ внутри макрорегиона: подбор результирующих показателей в соответствии с необходимостью исследования пассивно развивающихся (проблемные точки, выделенные через IDI) или перспективных сфер взаимодействия.

4. Построение диаграмм рассеяния Морана для наглядного представления связности субъектов РФ по выбранному критерию, определение характера пространственных эффектов.

5. Качественный анализ существующих форм межрегионального взаимодействия.

Анализ регионального развития таким способом позволит определить тип инклюзивного развития для каждого региона в макрорегиональной системе,

обосновать необходимость (в случае слабой инклюзивности территории, наличия перспективных для развития пространственных связей) или отсутствие необходимости (в случае региональной самодостаточности) включения его в региональную кооперацию. Кроме того, такой способ оценки может закладываться в основу *разработки методических рекомендаций для повышения инклюзивности регионального развития*:

- выделение самодостаточных регионов, особо не нуждающихся в региональной кооперации (п.1);
- определение перспективных сфер межрегионального сотрудничества (п. 2,3,4);
- оценка необходимости дальнейшей реализации тех или иных направлений и форм межрегионального сотрудничества (п. 3,4,5);
- оценка устойчивости инклюзивного регионального развития (все пункты).

Список литературы

1. Левенков, А. Инклюзивный рост: понятие, индикаторы, международный опыт / А. Левенков // - Банкаўскі веснік. – 2015. – С. 41-46.
2. Симонова, М. Д. Экономика благосостояния: ориентиры инклюзивного развития / М. Д. Симонова // Вестник МГИМО-Университета. - 2020. - №13(5). - С. 375-386.
3. Neil Lee. Inclusive growth? The relationship between economic growth and poverty in British cities / Lee Neil, Sissons Paul // Environment and Planning A. – 2016. – 48 (11). - pp. 2317-2339.
4. Yuna Di. Inclusive growth : progress and experience of China / Di Yuna, Tatevik Vardanyan // Messenger of Armenian state university of economics. – 2019. - №2. – С. 122-131.
5. Zsolt Darvas. An anatomy of inclusive growth in Europe / Darvas Zsolt, Wolff Guntram B. // Blueprint series 26. - Bruegel, 2016. – 106 p. – URL : <https://www.bruegel.org/2016/10/an-anatomy-of-inclusive-growth-in-europe/> (дата обращения 16.03.2021).
6. Suresh Chand Aggarwal. Inequality and Inclusive Growth: Evidence from the Selected East European and CIS Countries / Aggarwal Suresh Chand // IARIW-HSE Conference “Experiences and Future Challenges in Measuring Income and Wealth in CIS Countries and Eastern Europe”. - Moscow, 2019. – URL : <https://www.hse.ru/data/2019/10/04/1541838887/inequality.pdf> (дата обращения 16.03.2021).
7. Краснокутский, П. А. Инклюзивный подход как инструмент снижения уровня дифференциации социально-экономического развития регионов (на примере регионов Южного федерального округа) / П. А. Краснокутский, С. С. Змияк, Н. В. Володина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 178–187.
8. Исса Ноума. Стратегия Европа 2020 на пути к устойчивому инклюзивному инновационному экономическому развитию / Ноума Исса // – Московский экономический журнал. – 2020. - №1. – С. 141-151.

9. Краснокутский, П.А. Концепция инклюзивного роста : новые возможности или осознанная необходимость? / П. А. Краснокутский, С. С. Змияк, Н. С. Яровая // Теоретическая экономика. – 2018. - № 6. – С. 77-86.
10. Мальцев, А.А. Инклюзивный экономический рост как способ повышения глобальной производительности (обзор доклада ОЭСР «Связь производительности с инклюзивностью») / А.А. Мальцев, В.А. Мальцева // Вестник международных организаций. - 2018. - Т. 13. - № 4. - С. 272–279.
11. Tomasz Studzieniecki. The development of cross-border cooperation in an EU macroregion – a case study of the Baltic Sea Region / Studzieniecki Tomasz // Procedia Economics and Finance. – 2016. - № 39. – P. 236-237.
12. Donato Di Ludovico. European cross-scale spatial planning and territorial frames in the Italian Median Macroregion / Donato Di Ludovico, Federico D’Ascanio // European Planning Studies. – 2019. – vol. 27. – P. 1369-1390.
13. Gänzle S. Macro-regional Strategies, Cohesion Policy and Regional Cooperation in the European Union: Towards a Research Agenda / S. Gänzle, D. Stead, F. Sielker, T. Chilla // Political Studies Review. – 2019. - №17 (2). – P. 161-174.
14. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года / Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 16.03.2021).
15. Пенчук, А. В. Анализ подходов к пониманию макрорегионализации в российских и зарубежных исследованиях / А.В. Пенчук // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2018. - № 9. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35668313&> (дата обращения 16.03.2021).
16. Сысоева, Н.М. Межрегиональное сотрудничество в системе управления пространственным развитием / Н.М. Сысоева // Материалы МАЭФ 2020. Научные труды ВЭО России. – Т. 223. – С. 417.
17. Минакир, П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики / П. А. Минакир // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 4. — С. 967-980.
18. The Inclusive Growth and Development Report 2017 / World economic forum. – 2017. – 136 p. – URL : <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017> (дата обращения 16.03.2021).
19. The inclusive development index 2018. Summary and data highlights / World economic forum. – 2018. – 14 p. – URL : http://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2018.pdf (дата обращения 16.03.2021).
20. Inclusive growth of the Eurasian Economic Union Member States: assessments and opportunities / Eurasian Economic Commission. – URL : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/Document/s/Inclusive_growth_in_EAEU_Member.pdf (дата обращения 16.03.2021).
21. Шарафутдинов, В.И. Исследование национальных ключевых показателей эффективности инклюзивного роста и развития регионов Российской Федерации / В. И. Шарафутдинов, Д. О. Измайлова, Э. М. Ахметшин // Теоретическая и прикладная экономика. – 2018. - № 3. – С. 118-134.

22. Баринаова, В.А. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России / В.А. Баринаова, С.П. Земцов // Регион : экономика и социология. – 2019. - № 1 (101). – С. 23-46.
23. Севастьянова, А. Е. Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа / А. Е. Севастьянова, А. Н. Токарев, В. В. Шмат // Регион : экономика и социология. – 2017. - № 1 (93). – С. 213-236.
24. Михеева, Н.Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта / Н.Н. Михеева // Проблемы прогнозирования. – 2020. - №1. – С. 32-42.
25. Заводских, А. А. Построение индекса инклюзивного развития регионов / А. А. Заводских // Псковский регионологический журнал. – 2020. - № 2 (42). – С. 19-41.
26. Казакова, С. М. Оценка устойчивости макрорегионов России на основе индекса инклюзивного развития / С.М. Казакова // Региональная экономика. Юг России. - 2020. - Т. 8. - № 4. - С. 30–38.
27. Лясковская, Е.А. Рейтинг инклюзивного развития макрорегионов Российской Федерации / Е.А. Лясковская, К.А. Григорьева // Вестник ЮУрГУ. – Серия «Экономика и менеджмент». – 2018. – Т.12. - № 2. – С. 45-54.
28. Суворова, А.В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты / А. В. Суворова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2019. - Т. 12. - № 6. - С. 114–115.
29. Демидова, О. А. Выявление пространственных эффектов для основных макроэкономических показателей российских регионов / О. А. Демидова // НИУ ВШЭ : официальный сайт. – URL : https://economics.hse.ru/data/2013/12/03/1335971579/Demidova_Article_HSE_2013.pdf (дата обращения 16.03.2021).
30. Павлов, Ю.В. Пространственные взаимодействия : оценка на основе глобального и локального индексов Морана / Ю.В. Павлов, Е.Н. Королева // Пространственная экономика. – 2014. - № 3. – С. 96-100.
31. Кузнецова, О.В. Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей / О. В. Кузнецова // Региональные исследования. - 2019. - № 1. - С. 16–25.
32. Пивоварова, М.А. Инклюзивное развитие региона / М.А. Пивоварова, А.М. Хохлова // Инновационная экономика : перспективы развития и совершенствования. – 2015. - № 2 (7). – С. 215-220.
33. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL : <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 16.03.2021).